

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СТАРОСТИ

Марина Эдуардовна Елютина (elutina133@mail.ru)

Саратовский научно-исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Цитирование: Елютина М.Э. (2023) Концептуальная метафора старости. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2): 231–248.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>. EDN: XKLWTG

Аннотация. Представлено авторское размышление о проектах позитивной старости, как тех, что уходят корнями в размышления древних философов, так и тех, что конструируются современной повседневностью. Показано, что содержание таких проектов зависит от морфологии социальной жизни. Современный контекст требует нового содержания, новых ресурсов, расстановку новых акцентов в проекте позитивной старости, который должен базироваться на анализе глубинных структур, скрытых реальностях старости, отражать ее наиболее важные привилегированные регулярности. Раскрывается содержание понятия «концептуальная метафора старости» как квинтэссенции позитивного проекта старости в конкретных социокультурных условиях, демонстрирующей уникальный абрис человеческого существования на данном возрастном этапе. Концептуальная метафора старости представляет собой «точку сборки» феномена старости как «констеллятивного» образования, имеющего определенную модальность и создающего новые правила кодирования. К обсуждению привлекается базовое, устоявшееся понятие «старость» в российском дискурсе, разъясняется его связь с формулой застоя, завершенности, финала, со стратегией вытеснения старости из сферы доступа к престижным ценностям, власти и другим ресурсам, объяснения негативных феноменов в жизни пожилого человека или связанных непосредственно с его здоровьем, старостью. Показано, что концептуальная метафора является и исследовательским инструментом, и средством выражения позитивной и негативной коннотации в различных дискурсах, средством манипулятивного воздействия. Делается вывод о релятивности концептуальной метафоры. В этой связи обращается внимание на тот факт, что концептуальная метафора может быть незамеченной, а может лоббироваться теми или иными институтами. Вместе с тем важно, что она входит в спектр возможного переживания собственной старости, возможного отношения к старости. Осуществляется критический анализ ряда современных концептуальных метафор старости. Обосновывается значимость концептуальной метафоры «компетентная старость», фиксирующей ее феноменальность в современном российском контексте. Подчеркивается, что данная концептуальная метафора может служить эпистемологическим инструментом для построения и реализации проекта позитивной старости в данное время и в данных условиях, так как выводит на новое понимание старости и отношений с пожилыми людьми.

Ключевые слова: старость, концептуальная метафора, положительные и отрицательные коннотации, позитивная старость, метафорический ландшафт старости.

Введение

Каждый возраст, являясь самоценным модусом человеческого существования, заслуживает исследовательских инвестиций. Вопрос заключается в стратификации пространства внимания к определенному возрасту. Современное предметное поле исследований старости включает различные теоретико-методологические установки и нюансы дефиниций. Меняется репертуар оценок, объяснений. Несмотря на то что обращение научной мысли к поиску преимуществ этого этапа жизненного пути человека имеет долгую историю, в настоящее время ощущается дефицит в проектах позитивной старости. Именно в силу этого данный жизненный этап оказывается под угрозой и сам чреват неприятностями, если не состоится включение новых высобождающихся возможностей старости в нравственно-личностный порядок. В современном мире старость не может восприниматься как необратимое вытеснение человека на периферию социальной жизни и постепенный выход из употребления, напротив, можно констатировать усиление ее значимости и с точки зрения социальных функций, и в плане пребывания в пространстве предельных смыслов. Разные способы описания старости строятся на принципиально разных концептуальных метафорах, которые нередко приводят к искажению, смещению смыслов. Метафорическая модель старости, являясь одним из способов ее концептуализации, может служить единым пространством смыслов (что нужно понимать под старостью) в рамках проблематизации позитивной старости в современном российском контексте.

Проекты позитивной старости

Интерес исследователей к феноменам старости, старению не представляет собой уникальную особенность нашего времени. Это открытая тема, которая не конструирует закрытый мир смыслов, напротив, предполагает разнообразие истолкований и отвергает возможность однозначного понимания. Это связано, помимо прочего, с тем фактом, что жизнь человека имеет только временное окончание, а не содержательное, которое дает равные шансы для противоположных прочтений, на домысливание разных жизненных сюжетов. Раскрыть эту тему можно лишь «вопрошая и провоцируя» (М.М. Бахтин), не достигая завершеного представления. Перефразируя высказывание Броделя, можно так сказать о старости — это весьма изменчивый и в то же время настойчивый, умелый, иногда очень

навязчивый в своих проявлениях деятель. Старость предстает в качестве взрывоопасного персонажа в биографической постановке человека. Как показывает ретроспективный анализ исследовательских традиций по этим проблемам, они касались примерно тех же вопросов, которые и сейчас вызывают определенные затруднения. Это относится, помимо прочего, к проекту позитивной старости, который, как мы полагаем, фиксирует некий социальный образ, реализуемый в устойчивых формах поведения, привлекательных для данного социокультурного контекста. Совершенно ясно, что он концентрируется на преимуществах этого периода, подчеркивает то, что «старость дает человеку, а не то, что она у него отнимает». И здесь можно столкнуться с целой гаммой возможностей, с полнотой положительных качеств старости. Известны разные проекты позитивной старости, и те, что уходят корнями в размышления древних философов, и те, что конструируются современной повседневностью. Отметим, как нам представляется, наиболее существенные из них.

1. Позитивная старость — жизнь, посвященная науке, искусству, ремеслам, жизнь, полезная людям и обществу (Цицерон «Беседа о старости»). На примере биографии Софокла Цицерон добавляет еще одну составляющую позитивной старости — отсутствие предательства со стороны выросших детей. Иначе говоря, позитивная старость — жизнь человека, занятого духовным трудом, увлеченного важными мыслями и, что важно, поддерживаемого своими детьми. В современном звучании эта проблема «старость как окружение», причем под окружением понимаются не только люди (родственники, соседи, сообщества), но и растения, животные, вещи.

2. Позитивная старость — мудрая, когда человек пользуется накопленными знаниями, когда «на место жалких соблазнов и мимолетных наслаждений приходит мир, душевный лад и величие, соединенное с красотью» (Сенека).

3. Аскетичная старость, когда человек, отрешившись от земных интересов, забот, соблазнов, приближается к Богу (Августин).

4. Позитивная старость как здоровая, неотъемлемая болезнями жизнь с различного рода рекомендациями по организации повседневной жизни пожилого человека. Здоровая старость проявляется во вкусе к деятельности, способности к адаптации и реадaptации.

5. Саморефлексирующая старость, указывающая на такую характерную особенность мироощущения в этом возрасте, как особое благоговение перед бытием, отличное как от обычного так называемого жизнелюбия, так и от чисто позитивистского принятия «данного» как такового, в основе которого — замкнутость горизонта восприятия лишь эмпирическим миром. Это благоговение перед бытием рождается через

сопротивление радикальной угрозе небытия. Жить вопреки тому, что пытается помешать жить, принятие бытия как некоего незаслуженного дара открывается человеку, пережившему страдания и боль, хорошо знакомому с тем, что такое настоящее отчаяние. Г.К. Честертон рассказывает замечательную французскую сказку про одного отчаявшегося поэта, который решил утопиться. Пока он спускался к реке, чтобы покончить с собой, он отдал свои глаза слепому, уши — глухому, ноги — хромоту и т.д. Кажется, что наступит его неминуемый конец, однако, вместо того чтобы броситься в воду, глухой, слепой и безногий поэт присаживается на берегу и, поняв, что жив, радуется жизни (Честертон 1984: 320). Только в глубокой старости человек начинает понимать, сколь правдива эта история. Восхищение жизнью через расширение чувственной и разумной постижимости окружающего мира становится условием плодотворности существования в старости.

6. Активная старость, включающая разнообразные формы активности: физическую, трудовую, творческую. Не повторяя обширной литературы по данному вопросу, можно отметить важный в этом контексте смысловой оттенок: люди с жизненной активностью открыты в первую очередь изменениям, и даже большие изменения воспринимаются ими не как угроза, а скорее как вызов своим возможностям.

7. Новые культурные идеалы диктуют необходимость в «сделанной старости» с акцентом на телесный ремонт с помощью косметологических средств, пластической хирургии, трансплантации органов. Важным здесь представляется наличие материальных средств и компетентных профессионалов, услуги которых можно купить.

8. Позитивная старость — «безбарьерная», технически оснащенная, предполагающая переадресацию функций, в том числе базовых, техническим устройствам (аутсорсинг).

Перечисленные представления включают в себя различные способы функционирования пожилых людей в сообществе. Содержание позитивной старости зависит от морфологии социальной жизни: социальных предписаний, ценностно-нормативных рамок ситуации, предполагающих определенный настрой участников взаимодействия, преодоления внешних предубеждений, внутренних установок, признание суверенитета личности в частной жизни, осознание дозволенного. Проект позитивной старости представляет определенный временем гештальт старости. Можно сказать, что позитивная старость есть всегда, но никогда не бывает старости, позитивной до конца.

Современный контекст требует нового содержания, новых ресурсов, расстановку новых акцентов в проекте позитивной старости. Надо разо-

браться, какая модель позитивной старости может служить ориентиром для социальной политики в современной России. Определение такой модели — задача сложная. Очевидно, нельзя предложить такого определения, которое не вызывало бы дискуссий, было бы принято раз и навсегда. Нередко принимается только «удобное» в том или ином контексте определение, в котором порой теряются действительно наиболее существенные моменты. Ясно одно, что современный проект позитивной старости должен базироваться на анализе глубинных структур, скрытых реальностях старости, отражать ее наиболее существенные привилегированные регулярности. Эта проблема неконцептуализирована до сих пор. Для ее концептуализации необходима терминологическое согласование понятий.

Концептуальная метафора: понятие и структура

В терминологической структуре старости значимым элементом выступает ее концептуальная метафора, которая является квинтэссенцией проекта позитивной старости в конкретных социокультурных условиях, демонстрирует уникальный абрис человеческого существования на данном возрастном этапе. Мы опираемся на теорию концептуальной метафоры, разработанную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в соответствии с которой система понятий носит преимущественно метафорический характер. Метафоры структурируют восприятие, мышление и действия человека, упорядочивают его повседневную деятельность. Метафора кодирует в слове содержание концептуальной системы. В качестве примеров таких концептуальных метафор, которые возникли в процессе рефлексии новой эпохи, можно привести следующие — «шок будущего» (Э. Тоффлер), «моральная слепота», «текучесть современности» (З. Бауман), «ускользающий мир» (Э. Гидденс) или метафорические формулы постмодернистского мышления — «тело без органов» (Ж. Делез), «мир-словарь» (У. Эко), «мир — космическая библиотека» (В. Лейч), «общество спектакля» (Ги Дебор). Концептуальная метафора старости представляет собой «точку сборки» феномена старости как «констеллятивного» образования, имеющего определенную модальность и создающего новые правила кодирования. Концептуальная метафора обладает суггестивным потенциалом в виде декларируемого посыла, создающего определенный рецептивный ассоциативный ряд, который влияет на индивидов как бессознательное социальное принуждение. Выражается в словах, которые выступают как конвенциональные знаки и выполняют часто не только собственно семиотическую, но и символическую функцию, фиксируя вектор интереса и интерпретации. Включить концептуальную метафору в пространство старо-

сти означает сделать его заметным, наделить значимостью. Причем разные концептуальные метафоры представляют собой не разные обозначения одного и того же предмета (в данном случае старости), а разные видения его (В. Гумбольдт).

Концептуальная метафора имеет свою внутреннюю структуру и взаимодействует с другими ментальными образованиями, создающими когнитивную картину мира. Она представлена уже на уровне ее словесных адекватов, имеющих различный оценочный модус и ассоциативный план. При всем разнообразии номинаций речь, на наш взгляд, должна идти об отказе от какой-либо метафизической остановки развития, от какой-либо завершенности личностного роста, более того, старость целесообразно рассматривать как возвышение, «сублимацию» в духовность. Представляется существенно важным при определении концептуальной метафоры старости выделение связей и отношений с базовыми, уже устоявшимися понятиями.

В российском контексте традиционно концепты «старость, старение» воспринимаются как процесс, событие, действие, ведущее к своей грани, краю, к заключительной точке. Произошла коллаборация старости и смерти, старость приобрела все признаки финала жизни. Эта финальность проявляется словесной оппозицией «был — стал» (был красивым — стал некрасивым, обладал властью — утратил власть, был профессионалом — стал наивным потребителем). И.С. Блинова выделяет основные отличия в репрезентации концепта «старость» в сопоставляемых русской и немецкой лингвокультурах: а) в русской лингвокультуре старость ассоциирована с соматической характеристикой человека (худоба, дряхлость, отсутствие зубов); б) в немецкой лингвокультуре старость ассоциирована с выходом на пенсию, очками и путешествием; в) русское сознание связывает старость с заботами, болезнями, смертью; г) немецкое сознание в качестве важного ассоциативного признака выделяет социальную защищенность старости (Блинова 2009: 5).

Н.В. Крючкова выделяет и анализирует возрастные лексемы в русском языке, в которых отражаются наиболее устойчивые представления, связанные с тем или иным возрастом, а также устойчивые эмоциональные оценки. По результатам ее анализа, «старость», во-первых, характеризуется признаками, указывающими на физические особенности этого возраста: слабость, немощность, дряхлость; во-вторых, получает практически однозначную отрицательную общеэмоциональную оценку (Крючкова 2003: 9–10). Данные языковые структуры и эмоциональные оценки воспроизводят представления и стереотипы в восприятии старости, основанные на «видимых», «поверхностных» характеристиках. Возраст старости вос-

принимается как возбудитель патологических физиологических и психологических состояний. Негативные коннотации старости добавляет феномен «цифровой неудачи», характеризующий пожилого человека как неспособного к усвоению цифровых практик, как жертву манипулятивных стратегий «инфлюенсеров» всех сортов. При этом цифровые навыки и компетенции, приписываемые новому поколению, существенно переоценены (Ершова 2019: 96–99).

Если воспользоваться аналогией с живописью, пожилые люди предстают как завершенные, или «закрытые», лица, которые дают образ исчерпанного человека, не могущего стать другим. Современность, как сказано в книге Э. Баумана и Л. Донскис, это война, которую метафизическая молодость (эрос, секс, желание, страсть) ведет против метафизического старения (отстраненной жизни без желаний, без опьяняющего «использования» себя и других, без воодушевления и веселья) (Бауман, Донскис 2019: 329).

В российском контексте присутствует еще одна специфическая характеристика: старость воспринимается как фольклорный образ отжившей советской эпохи с определенной системой ценностей, правил поведения, которые не позволяют адаптироваться к современному функциональному циклу общества. Такая рецепция старости нередко служит основанием для того, чтобы перерезать «контакт» с пожилыми как с людьми, не обладающими ресурсами для получения свидетельства о современном гражданстве. В контексте политики «Молодежь прежде всего» утверждается стратегия вытеснения старости из сферы доступа к престижным ценностям, власти и другим ресурсам. Обесценивается преемственность, предпочтение отдается вновь приобретенному опыту «здесь и сейчас». Кроме того, материальное положение пожилых людей имеет депрессивный характер. Россия относится к категории стран с большим уровнем бедности среди пожилых людей по сравнению с остальным населением (14,1 % бедных среди пожилых против 12,7 % среди всего населения) (Бабышев 2021: 86).

Старость в публичном пространстве присутствует лишь в качестве риторики, а мотивация и самоинтерпретация, поиск ресурсов, которые могут быть мобилизованы на то, чтобы справиться с трудностями, становятся сугубо личным делом индивида. Хрупкими стали нравственные убеждения, связанные с уважением к старости, пожилым людям. Практические работники нередко негативные феномены, возникающие в жизни пожилого человека или связанные непосредственно с его здоровьем, объясняют старостью. За ложным объяснением скрывается элементарная безграмотность. Один из известнейших представителей таджикско-

персидской поэзии Джалаладдин Руми написал интересную притчу «Старческий недуг». В этой притче старик перечисляет все свои недомогания: слабость глаз, ломота в костях, потеря аппетита, затрудненность дыхания — и получает от врача один-единственный ответ — все от старости:

Взорвался старый: «Что ты, словно мул,
Одну и ту же песню затынул?
Меня своим присловьем не дурачь!
Вот если б ты был настоящий врач,
То дал бы мне микстуры и настои,
А ты сидишь и мелишь тут пустое» (Руми 2012: 81).

Руми учил, что внимание, добрые слова «из-за которых камень давал бы молоко», бесценны, а знания как сущностная основа нравственности выступают критерием авторитетности действий, в данном случае представителя медицинской профессии. Пандемия продемонстрировала тот факт, что принятое со времен Гиппократа в медицине отношение врача к пациенту как к своему болеющему ребенку (в современном звучании — лично-центрированный подход к пациенту), который требует знаний, сострадания, помощи и огромной ответственности со стороны врача, в отношении пожилых пациентов не работает, заменяется различного рода дискриминационными практиками, которые демонстрируют снижение уровня ответственности врача и отсутствие специализированных навыков, необходимых для оказания медицинской помощи пожилым людям.

Исследователи отмечают приоритет на лечение молодых в условиях пандемии и возникновение различного рода неравенств, влияющих на жизнь пожилых людей с введением изоляционных мер (Галкин 2021: 27–40). Конечно, можно привести многочисленные примеры помощи и поддержки пожилых людей со стороны государственных и общественных организаций, родных и близких. Однако эти примеры будут скорее элементом инструментальной рациональности и ситуационной добродетели. Кроме того, пандемия обострила конфликт между поколениями: коронавирус как инфекция, гораздо опаснее для пожилых людей, которые чувствуют угрозу, связанную с нежеланием молодых людей изменить свой образ жизни, хотя они в меньшей степени рискуют серьезно заболеть, заразившись коронавирусом. Бездействие в этих условиях становится наиболее заметным действием, которое воспринимается пожилыми людьми как пренебрежение к их потребностям в условиях «заточения». Нельзя не отметить и продолжающуюся медиализацию старости, в ходе которой все

новые стороны жизни в этом возрасте подвергаются перекодированию в медицинские проблемы. Речь идет о проникновении медицинских представлений и в психоэмоциональную сферу жизни людей, когда любая эмоция может трактоваться как симптом того или иного патологического состояния (Михель 2018: 58). В случае старости смысловой контекст обычных ее проявлений может номинироваться как старческое слабоумие.

Сегодня речь идет об определенном смысловом горизонте старости, который присутствует в коллективном сознании: в литературе, искусстве, ответах на вопросы социологов. Известно, что социальный престиж старости может колебаться в разные временные отрезки: от геронтократии до геронтицида. В настоящее время ясно одно, что понятия старости, старения инфицированы негативным символизмом. Существует необходимость в реабилитации старости, в построении новой презентации старости в публичном пространстве культуры на всех уровнях: лингвистическом, нарративном, визуальном. Настало время «ренессанса» старости, время оживления и переосмысления ореола мудрости и самооценности данного возрастного развития, а это требует, по М. Бахтину, особой логики переименований, преобразований, перетеканий в неравное себе со-бытие. Концептуальная метафора является и исследовательским инструментом, и средством выражения позитивной и негативной коннотации в различных дискурсах, средством манипулятивного воздействия, она может распространяться или исчезать. Поэтому важно, на наш взгляд, чтобы современная концептуальная метафора способствовала преодолению главного страха старости — страха быть незамеченной, основанного на сомнении в собственной ценности. Не бежать от старости, а иметь твердую уверенность в возможности личного установления смыслов и форматов старости, руководствуясь признанием ее социальной значимости и ценности. В двухчленную структуру концептуальной метафоры, наряду с базовым, надо «добавить» такой элемент, который бы актуализировал аксиологический потенциал старости.

Метафорический ландшафт старости

Метафорический ландшафт старости со знаком плюс включает как современные, так и традиционные для дискурса старости номинации (успешная, удовлетворенная своим прошлым и настоящим; безопасная старость, которая рассматривается главным образом с точки зрения наличия межпоколенных, частных и государственных трансфертов; гармоничная старость как единство тела и духа, как взаимозависимость между человеком и миром и между разными людьми в противовес индивидуальному успеху) (Евсеева 2020: 23). Такая достаточно распространенная

концептуальная метафора, как «активная старость», фиксирующая меру присутствия человека в социальном пространстве, акцент переносит на субъективную агентность: если ты активен, ты видим. А если нет? Тогда ты неразличим, т.е. ты есть, но тебя как бы и нет. Пожилой человек становится человеком-невидимкой в пространстве социально зримого, знаково маркированного. Это противоречит праву выбора поведенческих стратегий, определяющих индивидуальное членство пожилого человека в социальном порядке: принять и выполнять предписываемые ему важные социальные роли или отказаться от них в пользу замещающих ролей, вне нормативного контроля. Поэтому те пожилые люди, которые хотят тишины, покоя, ограничения социальных контактов, «укромности частной жизни» (У. Эко), не могут идентифицироваться как некая маргинальная группа. В действительности они демонстрируют одну из возможных моделей нового определения баланса жизни и труда, коммуникации и напряженного саморазвития, творчества и дисциплины. Нередко в состоянии покоя, пребывания в молчании, сопровождаемом соприкосновением с родственными мыслями и состояниями других (М. Мамардашвили), проявляется уникальный творческий акт-поступок. Человек дает себе «безмолвные перерывы», возможность говорить «нет», переживать эмоции, жить в тишине, чувствовать вкус жизни, возможность очистить сознание от социальных токсинов. Неслучайно возникла субкультура неспешности, основанная на ценности замедления ритма жизни, ориентирующаяся на созерцательное и вдумчивое времяпрепровождение, на отсечение лишних обязательств. Кроме того, в концептуальной метафоре «активная старость» происходит ее инструментализация: «я тут, пока я полезен».

Нередко проблема активности в старости обсуждается в контексте пролонгирования профессионально-трудовой деятельности после достижения пенсионного порога. В этом плане происходит «понижение» пожилых людей до статуса факторов производства и именованя их «человеческими ресурсами». Активность в старости сегодня больше похожа на принуждение, диффузную навязчивость (Ж. Бодрийяр) и утверждает не как право, а как долг пожилого человека. Некоторые пожилые люди, находясь в плену социокультурных установок на достижение активной старости, испытывают постоянное ощущение недостаточности прилагаемых усилий, увеличивая и интенсифицируя нагрузки, что негативно сказывается на их самочувствии. Нередко медийные образы физически активных пожилых людей сопровождаются льстивой риторикой, обожествляющей активность индивидуального «Я» и зачисляющей индивида в группу привилегированных представителей некоего канона. Неустанное

стремление «обмануть» старость через интенсификацию нагрузок, перестроение внешности и других физических характеристик становится генератором разочарования, напряженности и формирования новых механизмов исключения. За пределами известного разговора о том, что активность в позднем возрасте полезна, что социальная отстраненность выступает фактором заболеваемости лиц пожилого возраста, ощущается дефицит дискурсов и соответствующих им практик по таким важным темам, как совершенствование предметно-пространственной среды, в том числе придомового пространства, а также отдыха, его организации в направлении насыщения событиями и впечатлениями, умножающими эстетические наслаждения людей этой возрастной группы.

Возможности для свободного перемещения, мобильности пожилого человека в определенной степени могут компенсировать его подчиненность времени. В тени оказалась и такая важная, на наш взгляд, тема, как роль лудических, или игровых, составляющих повседневной жизни пожилых людей, которые открывают новые пространства возможностей для их активного включения. Если поставить проблему более широко, то речь идет о создании такой сферы повседневной жизни пожилых людей, которая была бы свободной от целеполагания, сферой отдыха и образования ради него самого. Уход от активного гражданства в самосохранение — возможная и вполне приемлемая формула поведения в старости. На наш взгляд, наиболее релевантным сегодняшним потребностям является неразрывная связь: вовлеченность, активность старости востребованы так же, как и ее дистанцированность и пассивность. Старость предполагает диалог неподвижности и изменчивости. Здесь скорее проявление индивидуальной логики существования данных феноменов.

В спектр интерпретаций старости вошел концепт «отложенная старость», который является однопорядковым с «отложенным взрослением», «отложенным браком», «отложенным рождением» и отражает общую тенденцию к потускнению пределов возрастных зон изменений, пролонгирует на весь жизненный путь застревание на периоде юности с правом на ошибки, утверждая инфантильность как признанную норму. Однако концепт «отложенная старость» может быть применен в отношении представителей тех поколений, которые либо готовятся, либо недавно вышли на рынок труда. Они формировались в особых социально-экономических условиях. Для них характерен отсроченный уход из родительской семьи, отсроченное начало самостоятельной трудовой деятельности, позднее вступление в брак, позднее рождение первого ребенка. Молодежь не стремится повзрослеть, несмотря на тот факт (а на него обратил внимание

А. Бадью), что в настоящее время произошло упрощение вхождения человека во взрослую жизнь, так как ликвидированы суровые традиции и обычаи, которые сохранялись долгие века (Бадью 2018: 78). В противовес этому нынешнее поколение пожилых людей оказалось в ситуации, в которой перемещение и пребывание в старшей возрастной группе существенно осложнились многочисленными правилами и установлениями, нередко оказывающимися испытаниями на физическую и моральную выносливость (увеличение пенсионного порога, неустойчивость пенсионных систем, рост цен на медицинские услуги, пролонгирование профессионально-трудовой деятельности, усилия, направленные на поддержание молодости тела, и т.д.). Что касается концепта «отложенная старость», отметим его неоднозначную семантику. Этот концепт, с одной стороны, высвобождает энергию незавершенного, длящегося, взывающего к соотворчеству. В нем сконцентрирована энергия напряжения, нажима нереализованных планов. С другой стороны, это понятие отражает неопределенность положения пожилого человека, момент неустойчивости, некое промежуточное звено, предполагающее переход к другому состоянию, а к какому именно остается за скобками (искривление времени, межвременная темпоральность, по Ж. Бодрийяру). Выпадает возрастное будущее, предлагается просто отодвигать границы настоящего. Причем, по мнению С.А. Лишаева, возрастное настоящее, не подключенное к будущему, обесценивается (Лишаев 2019: 20). Настоящее становится как будто повторением прошлого.

На наш взгляд, этот концепт скорее затемняет, а не оживляет рецепцию старости. Старость имманентно присутствует в пробеге человека от рождения до смерти. Каждый возрастной этап оказывается столь же преходящим, сколь и необходим. Нельзя перепрыгнуть, отложить, перенести старость, устремляясь в вечность. Ее можно растянуть, при этом главной растяжкой выступает именно отношение к старости. Проблема здесь не в том, чтобы вытеснить старость из актуального опыта всеми возможными способами или отложить старость на неопределенный срок, а в том, чтобы иметь привлекательную перспективу, оптимистичную и достижимую, чтобы устранить сложности сведением возникающих препятствий к разрешаемым повседневным вопросам, используя доступные инструменты.

Как сама старость, так и концептуальная метафора для каждого поколения будет отличаться. Новые поколения пожилых в России демонстрируют все более и более высокий уровень образования (Синявская и др. 2018: 7–15; Синявская, Червякова 2022: 94–121), для них образование выступает в качестве нормативной установки. Характерной чертой куль-

турного кода пожилых людей являются практики самообразования (Юдин, Полякова, Фурсов 2020: 1–8), практики чтения (Елютина, Колязина 2019: 152–156). Кроме того, представители старшего поколения обладают когнитивными, моральными фильтрами, благодаря которым они способны воспринимать и анализировать информацию, транслируемую помимо смысловоспроизводящих институтов и разного рода трикстерами, которые, по мнению исследователей, становятся важным элементом среды социального взаимодействия молодого поколения на территории всего российского государства, провозглашая ценности индивидуализма и полной свободы поведения, снятие моральных ограничений в коммуникации (Шахова 2022: 66).

В качестве концептуальной метафоры мы предлагаем рассмотреть концепт «компетентная старость» (без намерения его декретировать), помогающий увидеть реальность человеческой жизни такой, какая она есть, постулируя преемственность различных возрастных этапов и способность человека постоянно превосходить самого себя. Жизненный путь человека не вмещается в модель линейной биографии, он очень разнообразный, включает и приобретения, и потери, и выработку нишевых практик. Динамика жизни на данном этапе связана с тем, что в ее состав входит не просто объективность вещного и вещественного, но и духовно значимое настроение, оценка и толкование явлений и событий. В этом возрасте люди аккумулируют знания, умения и навыки, становясь профессионалами жизни. Это может быть «компетенция себя» через устремление к росту, труду, дисциплине, личному призванию, что и является ключевой характеристикой современной старости в российском контексте. И это не про заработок, про успешность, а про стремление разнообразить сферы своей компетентности.

Термин «компетентность» охватывает семантическое пространство, заполненное значениями, связанными с познавательной деятельностью (мыслимой как ткань, в которую вплетаются новые нити). «Компетентная старость» фиксирует непрекращающийся процесс приобретения знаний, позволяющий их обладателю выражать мнения. Целесообразность данного концепты мы видим в следующих характеристиках:

1. Концепт подчеркивает указующую функцию старости, которая рельефнее проявляется в двух моментах — обеспечении безопасности благодаря миметической передаче предшествующего опыта в нестабильном мире и в осуществлении синтеза социальной памяти и общественной проекции будущего. Он манифестирует все основные символы включенности пожилого человека в сообщество, нагружен значимостью социального членства. В современном обществе возрастает потребность в при-

мирителях и посредниках как в сфере межличностных отношений, в области образования и воспитания подрастающего поколения, так и во взаимодействиях конфликтующих организаций для поддержания стабильности общества. Известно, что при помощи прогрессирующего посредничества исходная фундаментальная противоположность заменяется другой, менее резкой, что сводит первичное противоречие к приемлемой для сознания ситуации. Это как раз и есть социальная ниша пожилых людей.

2. Данный концепт позволяет акцентировать внимание на субъективном опыте пожилого человека (старость учреждает опыт), интерпретировать его превращения и обогащения, которые объективно необходимы в том числе в связи с развитием систем ухода за пожилыми людьми на базе цифровизации процессов помощи и самопомощи.

3. Концепт позволяет заменить хронологические связи старости смысловыми, превратить старость в смысловой, повествовательный конструкт, наделяет события старости сюжетным значением, конкретизирует их. Представляет биографию во временной, ценностной, смысловой ее связности.

4. И наконец, концепт резонирует на самовосприятие пожилого человека, порождает уверенность в собственной значимости и важности. «Компетентная старость» ассоциативно-образно структурирует представление о конкретном времени жизни человека, наделяя его (время жизни) свойствами, присущими основной референции: ценность, духовность, жизненный профессионализм. Старость перестает быть только «тем, кто действует и мыслит» и превращается в «того, кого видят» (не просто замечают, а четко распознают), кому дается феноменальность. Очевидно, что распространенность метафоры имеет историко-культурные причины, она может быть незамеченной, а может лоббироваться теми или иными институтами. Вместе с тем важно, что она входит в спектр возможного переживания собственной старости, в спектр возможного отношения к старости. С нашей точки зрения, представляемая концептуальная метафора отражает феноменальность старости в современном российском контексте, выводит на новое понимание старости и на новое понимание отношений с пожилыми людьми. Она может служить эпистемологическим инструментом для построения и реализации проекта позитивной старости в данное время и в данных условиях. Совершенно ясно, что современный геронтологический ландшафт постоянно меняется и исследователи вынуждены непрестанно прорабатывать новые трактовки старости и старения, конструировать различные «сценарии» и «схемы», которые национально и культурно обусловлены.

Заключение

В современном российском контексте ощущается дефицит проектов позитивной старости, проектов, нацеленных на усиление человеческого влияния на прохождение разных возрастных этапов путем освоения более жизнеспособных практик. Более того, происходит отторжение представлений о старости и старении как постоянных атрибутов живого. Утрачивается восприятие возрастных изменений облика человека естественным образом, что может, с одной стороны, актуализировать стремление человека сохранить свою форму, но одновременно и ограничивает возможности его выбора. Немаловажную роль в этом играет терминологический аппарат. Конструкты, инфицированные негативными смыслами, приводят к искажению реальности феномена старости. Концептуальная метафора «компетентная старость» создает, по нашему мнению, единое пространство смыслов, фиксирует старость не просто в качестве самоценного этапа жизненного пути человека, предполагающего позитивно окрашенное признание присутствия, но и его феноменальность, заключающуюся в особой чувствительности к образованию, постоянному пополнению знаний, к практикам чтения, готовности передать опыт жизни. Это те значимые характеристики, которые находятся в культуре и биографии старшего поколения современной России. Данная метафора имеет высокую семантическую значимость и прагматический потенциал, позволяет характеризовать старость через призму качественных, динамических и ценностных свойств.

Литература

- Бабьшев В.Ю. (2021) Влияние межпоколенных трансфертов на рождаемость. *Народонаселение*, 24(1): 77–87.
- Бадью А. (2018) *Истинная жизнь*. М.: РИПОЛ Классик.
- Бауман З., Донскис Л. (2019) Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. Пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. Т.Н. Рыков. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Блинова И.С. (2009) *Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах*: автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград.
- Галкин К.А. (2021) Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 13(2): 27–40.
- Евсеева Я.В. (2020) Успешное старение: история и современность. Евсеева Я.В., Ядова М.А. (ред.) *Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции*. М.: РАН ИНИОН: 15–29.
- Елютина М.Э., Колязина Л.В. (2019) Пожилые люди: практики чтения. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»*, 19(2): 152–156.

Ершова Р.В. (2019) Цифровое поколение: между мифом и реальностью. *Философские науки*, 62(2): 96–108.

Крючкова Н.В. (2003) *Концепты возраста (на материале русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. н. Саратов.*

Лишаев С.А. (2019) Старость, мудрость, философия. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 20(1): 12–25.

Михель Д.В. (2018) Биполярное расстройство: эпидемия или следствие медиализации общества? *Вестник СПбГУ. Социология*, 11(1): 51–65.

Руми Джалаладдин (2012) *Дорога превращений: суфийские притчи*. М.: Теревинф.

Синявская О.В. Гудкова Т., Ермолина А.А., Кареева Д.Е., Любушина Е.С., Миронова А.А., Селезнева Е.В. (2018) Старение как социально-экономический феномен. *Волонтер*, 27(3): 7–15.

Синявская О.В. Червякова А.А. (2022) Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 94–121.

Честертон Г.К. (1984) *Писатель в газете*. М.: Прогресс.

Шахова И.А. (2022) Трикстеры как фактор социальной трансформации общества. *Общество: социология, психология, педагогика*, 8: 62–67.

Юдин И.Б., Полякова В.В., Фурсов К.С. (2020) Практики самообразования среди взрослого населения России. *Мониторинг экономики образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*, 39: 1–8.

THE CONCEPTUAL METAPHOR OF OLD AGE

Marina Elyutina (elutina133@mail.ru)

Saratov National Research University, Saratov, Russian Federation

Citation: Elyutina M. (2023) Kontseptual'naya metafora starosti [The conceptual metaphor of old age]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 231–248 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>. EDN: XKLWTG

The paper presents the author's reflection on the projects of positive old age, rooted in the reflections of ancient philosophers and constructed by contemporary daily life. The author shows the dependence of positive old age projects' content on the morphology of social life. The current context requires new content, new resources, the placement of new accents on the project of positive old age, which should be based on the analysis of deep structures, hidden realities of old age, and reflect its most important privileged regularities. The article reveals the substance of the concept of 'conceptual metaphor of old age' as the quintessence of a positive project of old age in specific socio-cultural

environment, demonstrating a unique outline of human existence at this age stage. The conceptual metaphor of old age represents the 'assemblage point' of the old age phenomenon as a 'constellation' formation that has a certain modality and creates new coding rules. The discussion involves the basic, well-established concept of 'old age' in Russian discourse, explains its connection with the formula of stagnation, completeness, finale, with the strategy of ousting old age from the sphere of access to prestigious values, power and other resources, with the strategy of explaining negative phenomena in the life of an elderly person, or directly related to one's health, old age the conceptual metaphor is regarded both as a research tool and a means of expressing positive and negative connotations in various discourses, a means of manipulative influence. The conclusion is made about the relativity of the conceptual metaphor. In this viewpoint, attention is drawn to the fact that a conceptual metaphor can remain unnoticed, or it can be lobbied by various institutions. At the same time, it is important to observe how it enters the spectrum of possible experience of one's own old age, the spectrum of possible attitude to old age. The critical analysis of a number of modern conceptual metaphors of old age is carried out. The author substantiates the significance of the conceptual metaphor 'competent old age', which fixes its phenomenon in the modern Russian context. It is emphasized that this conceptual metaphor can serve as an epistemological tool for building and implementing a positive old age project at this time and in these conditions, as it leads to a new understanding of old age and a new understanding of relationships with older people.

Keywords: old age, conceptual metaphor, positive and negative connotations, positive old age, metaphorical landscape.

References

- Babyshv V.Yu. (2021) Vliyanie mezhpokoleniyh transferov na rozhdalomost [The influence of intergenerational transfers on fertility]. *Narodonaseleniye* [Population], 24(1): 77–87 (in Russian).
- Badiou A. (2018) *Istinnaya zhizn* [True Life]. Moscow: RIPOL classic (in Russian).
- Bauman Z., Donskis L. (2019) *Moralnaya slepota: utrata chuystvitel'nosti v epokhu tekuchey sovremennosti* [Moral Blindness]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha (in Russian).
- Blinova I.S. (2009) *Concept 'starost' v russkoy i nemetsktkoy lingvokulturah* [The concept of 'old age' in Russian and German linguocultures]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Volgograd (in Russian).
- Chesterton G.K. (1984) *Pisatel' v gasete*. [Newspaper writer]. Moscow: Progress (in Russian).
- Galkin K.A. (2021) *Ogranichennoe prostranstvo: gorod v period pandemii v predstavleniyah pozhilyh ludey* [Limited space: a city during a pandemic in the views of older people]. *Interaktsia. Interview. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 13(2): 27–40 (in Russian).
- Elyutina M.E., Kolyazina L.V. (2019) *pozhylye ludi: praktiki chtenia* [Elderly people: reading practices]. *Novosti Saratovskogo universiteta* [News of Saratov University], 19(2): 152–156 (in Russian).

Yershova V. (2019) Tsifrovoye pokolenie: mezhdru mifom I realnostu. [Digital generation: Between Myth and Reality]. *Philosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 62(2): 96–108 (in Russian).

Yevseyeva YA.V. (2020) Uspeshnoye starenie: istoriya I sovremennost' [Successful Aging: Past and Present] Yevseyeva YA.V., Yadova M.A. (red.) *Uspeshnoye starenie: Sotsiologicheskiye I sotsiogerontologicheskiye kontseptsii* [Successful aging: Sociological and sociogerontological concepts] Moscow: RAN INION:15-29 (in Russian).

Yudin I.B., Polyakova V.V., Fursov K.S. (2020) Praktiki samoobrazovaniya sredi vzoslogo naseleniya Rossii [Practices of self-education among the adult population of Russia]. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya* [Monitoring the economics of education], 39: 1–8 (in Russian).

Kryuchkova N.V. (2003) *Koncepty vozrosta (na materiale russkogo I franczskogo yazykov)*: [Concepts of age (based on the material of Russian and French languages)]. PhD Thesis of the Candidate of philological sciences. Saratov (in Russian)

Lishaev S.A. (2019) Starost', mudrost', filosofiya [Old age, wisdom, philosophy]. *Vestnik russkoy khristianskoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 20(1): 12–25 (in Russian).

Mikhel D.V. (2018) Bipolyarnoye rasstroystvo: epidemiya ili sledstviye medikalizatsii obshchestva? [Bipolar disorder: an epidemic or a consequence of the medicalization of society?] *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology], 11(1): 51–65 (in Russian).

Rumi Jalaladdin (2012) *Doroga prevratcheniy: sufiyskie pritchi* [The Road of Transformations: Sufi Parables]. Moscow: Terevinf (in Russian).

Shakhova I.A. (2022) Trikstery kak faktor sotsial'noy transformatsii obshchestva [Tricksters as a factor in the social transformation of society]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 8: 62–67 (in Russian).

Sinyavskaya O.V., Gudkova T., Ermolina A.A., Kareeva D.E., Lyubushina E.S., Mironova A.A., Selezneva E.V. (2018) Starenie kak socialno-ekonomicheskiy fenomen [Aging as a socio-economic phenomenon]. *Volunteer*, 27(3): 7–15 (in Russian).

Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A. (2022) Aktivnoye dolgoletie v Rossii v usloviyakh ekonomicheskoy stagnatsii: chto pokazyvayet dinamika indeksa aktivnogo dolgoletiya? [Active aging in Russia in the context of economic stagnation: what does the dynamics of the active aging index show?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye I sotsial'nyye peremeny*. 5:94-121. (in Russian).